

ТАМ, ЗА САЯНАМИ

**ИНДИЙСКАЯ МОЗАИКА
(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)¹**

М. В. Монгуш²

**THE INDIAN MOSAIC
(PART ONE)**

M. V. Mongush

Ночь на индийском вокзале

Индия — страна, где все происходит медленно и не вовремя. Этим она очень напоминает Туву. Поэтому я, тувинка, чувствую себя там уютно. И могу понять своих земляков, которые «заболевают» этой страной и возвращаются туда снова и снова. Знаю нескольких наших ребят, беззаботно слоняющихся по Индии в поисках себя. Когда они обретут свое место под солнцем никому неизвестно. Да и надо ли им это?

Живя долго в этой стране, невольно начинаешь жить по-индийски. Первое, к чему следует привыкнуть, это то, что поезда здесь постоянно опаздывают. Это вполне нормальное явление, к которому надо относиться по-философски. Мне неоднократно приходилось коротать бессонные ночи на разных индийских во-

¹ Первый отрывок из рукописи автора «Индийская мозаика». Продолжение следует в № 2 журнала.

² Монгуш Марина Васильевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва; профессор Института туризма и гостеприимства - филиала Российского государственного университета туризма и сервиса.

кзалах. Каждая ночь, проведенная в томительном ожидании поезда, становилась для меня романом, который невозможно забыть.

Об одном таком романе хочу рассказать подробно. Он произошел на пути из Варанси в Дели. Поезд задерживался неизвестно на сколько. Никаких объявлений и объяснений дождаться не удалось. Оставалось гадать на кофейной гуще, когда мое бренное тело окажется в вожделенном вагоне.

На индийских вокзалах, как на любых вокзалах, всегда много народу. А вокзал в Варанси вообще особое место. Здесь люди спят прямо на земле. Со стороны это напоминает поле боя с огромным количеством павших, но каким-то образом продолжающих дышать людей. Когда индусы засыпают в одной позе, они так и спят до утра. Никаких телодвижений и переворачиваний с бока на бок. Шум и гам, без которого не может существовать ни один вокзал в мире, не мешает упиваться им сладким, почти детским сном.

Я нашла укромное местечко, откуда начала наблюдать за вокзальной жизнью. Вот недалеко от меня молодой индус начал расчищать газетой небольшой клочок земли. Когда он постелил свою простыню, к нему присоединились еще двое ребят, очевидно, его друзья, и они улеглись спать, предварительно распив термос чая и съев несколько лепешек. Какой-то мужчина в лохмотьях, явно не в своем уме, сел напротив меня, вытащил из кармана какой-то пузырек с порошком, понюхал его и впал в экстатическое состояние. Он местный наркоман, а кто же еще? Он, слава Богу, не буйствовал, чего я опасалась. Уставившись в одну точку, он начал произносить пламенную речь, активно при этом жестикулируя руками и притопывая ногами. Никто из прохожих не обращал на него внимания. Это был театр одного актера, но без зрителей. Благодарным

«ценителем» его таланта оказалась я, славная дочь тувинского народа. Мужчина упивался своей речью минут пятнадцать, затем успокоился, собрал свои пожитки и удалился прочь. Интересно, о чем он так неистово разглагольствовал? Это так и осталась тайной, покрытой мраком индийской ночи.

Тут подошла ко мне нищая девочка и начала кланчить деньги. Зная о том, что на вокзалах подавать нежелательно, я дала ей понять, что ничего от меня не получит. Девочка еще какое-то время выжидала, но потом пошла приставать к уважаемому индусу, который в это время говорил с кем-то по мобильнику. Он просто отошел от нее и продолжал говорить как ни в чем не бывало.

Вот по перрону прошла большая черная корова. Ее никто не останавливает, она гуляет сама по себе. Интересно, где ее хозяин? Корова в Индии — это целое состояние. Она дает молоко и масло. Если ее забить, то получишь и мясо. Как можно так безответственно отпустить это живое сокровище! А корова тем временем в двух местах оставила большие пометы, от которых начал исходить специфический запах. На это никто не обратил внимания. Здесь на такие вещи не принято реагировать.

А сколько собак слоняется по вокзалу! Увидят, что человек ест что-то, встанут рядом и ждут, когда им кинут остатки еды. Одна собака близко подошла ко мне и полизала руку. Дать ей мне было нечего, едой на дорогу я не запаслась.

Тем временем по радио постоянно объявляют о приходящих и уходящих поездах на двух языках: хинди и английском. О моем

поездке скупое упоминают, что он задерживается. Насколько — одному Богу известно. Мужчины, разносчики чая, то и дело кричат наперебой «чай, чай, чай». Желающих выпить чаю не так уж и много, но торговцы предлагают свой товар 24 часа напролет.

Теперь уже по рельсам прошла корова, на этот раз белая и хилая. Как она там оказалась? А если вдруг поезд поедет? Никому до этого нет дела. Удивительная страна Индия! Здесь каждое живое существо занято своим делом и никто не вправе мешать ему жить той жизнью, какой оно живет.

Вот недалеко в углу какого-то строения пристроился мусульманин. Он неспешно постелил коврик, сел на колени, сложил впереди себя руки ладонями вверх и начал усердно молиться. Это так называемый вечерний намаз, совершаемый в условиях вокзальной жизни. Для правоверного мусульманина неважно где он совершает его, важно то, что он не пропускает его. Мужчина так искренне отдавался молитве, что я за компанию с ним начала вслух про себя читать буддийскую мантру Будды Авалокитешвары. Так на всякий случай. Не помешает в дороге.

Было уже два часа ночи, ужасно хотелось спать. Но проспав свой поезд не хотелось, поэтому усилием воли заставляла себя наблюдать за народной жизнью. Мой сонный мозг, как ни странно, фиксировал все. Особенно крепко запоминались незначительные детали, из которых в конечном счете складывалась мозаика вокзальной реальности. Все картинки ярко запечатлевались в памяти. Они были наполнены этническим колоритом.

Опять подошла та же девочка с протянутой рукой. Я демонстративно отвернулась от нее. Самое главное при встрече с нищими и попрошайками — не смотреть им в глаза. Они имеют

привычку ловить взгляд и тут же направляются к тебе. Идя по улице, я иногда подаю им, но сидя на вокзале лучше этого не делать. Если я этой девочке дам монету, она сразу же растрезвонит своим и тогда мне не избежать докучливой толпы местных попрошайек. В данном случае размышления о сострадании и даянии не очень уместны.

Мусульманин тем временем закончил молитву, сложил свой коврик в трубочку, аккуратно сложил его в рюкзак и удалился. По перрону опять прошла большая черная корова. Разносчик чая

кричит «чай, чай, чай». На путь, что напротив меня, приходит поезд. Пассажиры вяло выходят из него. Тут же появляется огромная армия носильщиков, которые моментально перехватывают пассажиров с большими багажами. А те и не сопротивляются. Носильщики кладут багаж на свои головы. Если это чемоданы, то складывают их друг на друга. Со стороны зрелище впечатляющее.

Индийские носильщики никогда полными не бывают, они все худые и жилистые. При себе имеют длинную веревку, чтобы в случае необходимости перевязать ею багаж. Цену назначают в зависимости от тяжести груза. Чем тяжелее, тем дороже. Однако в целом они зарабатывают мало, зато здоровья теряют много.

Поезд отошел, пассажиры и носильщики растворились. Я продолжала сидеть в томительном ожидании своего поезда. Рядом со мной спит молодой индус. Обувь он сложил (чтобы не украли) в пакет и подложил под голову вместо подушки. Сам укрылся легкой простыней. Спит как сурок. Чуть подальше спят те трое

ребят. За моей спиной разлегся вокзальный бомж, от него пахло как от конюшни. Я терпела, потому что деваться некуда. Немного подальше сидели молодые индусы, парни и девушки. Парни активно охмуряли барышень, а те снисходительно принимали их внимание. Им явно не хотелось спать. Они были возбуждены. Молодость она и в Индии молодость. Недалеко спали три женщины. По их виду было понятно, что они шудры – представители самой низшей касты в Индии. Вдруг у одной из них в подоле что-то зашевелилось: я увидела как тощий младенец высунул головку. Женщина любовно накрыла его грязной сари. Чуть подальше мужчина сходил по-маленькому. Это происходит в Индии на каждом шагу. Поначалу зрелище шокирует, но постепенно к нему привыкаешь. Как привыкаешь к тому, что мужчины часто терпят себя за причинное место. Зачем они это делают, до сих пор понять не могу. А спросить их об этом я не решаюсь. Вдруг не так поймут.

Наконец-то объявили мой поезд. Я рванулась к своему вагону. Не верилось, что еду в Дели. Казалось, что прирасту намертво к своей смотровой площадке. Накопилась общая усталость, было много впечатлений, которые требовали осмысления. Все это будет потом. А сейчас самое главное – найти свое место в общем вагоне и лечь спать. Как мало путнику надо.

Проси дитя и ты получишь...

Индия – удивительная страна, где заезжий иностранец в любую минуту может стать свидетелем необычного действия, смысл и значение которого сходу невозможно уловить, но, проявив на-

стойчивость и здоровую любознательность, вполне может удовлетворить свой интерес.

Оказавшись как-то в Варанси, в городе, о котором ходят самые разные и противоречивые слухи, я неожиданно оказалась в толпе людей, преимущественно женщин, которые плотными рядами двигались в одном направлении. Многие несли на руках маленьких детей. Некоторых женщин сопровождали мужчины, явно их мужья, потому что так нежно обращаться с ними могли только они. Выйти из этого окружения было невозможно, разумнее было двигаться вместе со всеми и по ходу уточнять, куда же я попала и куда меня несет.

По общей атмосфере почувствовала, что эти люди ничего плохого не замышляют, их объединяет нечто общее, что заставляет так несокрушимо двигаться в одном потоке. Шума и гама, присущего обычно такой толпе, как ни странно, не было. Люди мало разговаривали между собой, не обращали внимания друг на друга, но в то же время проявляли невероятную терпимость по отношению друг к другу. Мой заморский вид никого не смущал, более того, мне даже оказывали знаки внимания, давая понять куда я должна двигаться и что делать. Я была, пожалуй, единственной иностранкой, которую ветер кармы прибил к этой толпе.

Покорно двигаясь в потоке, я оказалась у врат какого-то индуистского храма. В голове пробежала мысль: я иду на какой-то праздник. «Куда мы идем?», – спросила я молодую женщину, в руках у которой увидела небольшой букет белых цветов. «Мы идем к святому источнику, нам надо войти в него и попросить даровать дитя. Моей сестре помогло, она родила сына», – ответила женщина и лукаво спросила меня: «А ты кого хочешь? Мальчика

или девочку?» «Не имеет значения», — ответила я, быстренько сообразив, что оказалась среди женщин, для которых долгожданное материнство по каким-то причинам не наступает.

Поймала себя на мысли, как важно уметь в нужное время и в нужный час оказываться на нужном месте. Тут во мне заговорил заядлый полевик-исследователь. «Ты находишься в прекрасном этнографическом материале. Это один шанс из тысячи. Фиксируй и запоминай все», — сказала я себе и двинулась к источнику. Путь к нему оказался тернистым и долгим. Мы шли какими-то закоулками, на нашем пути часто встречались большие неподвижные коровы, которых надо было терпеливо обходить, а они еще и норовили испражняться прямо перед твоим носом.

Событие, в которое я была вовлечена, происходит всего один раз в год. Для бездетных пар этот день становится настоящим подарком, которого они долго ждали. Говорят, что воды источника только раз в год источает энергию, дарующую женщине материнство, мужчине — отцовство. Люди свято верят, что искупавшись в нем именно в этот день, они получают благословение на здоровое и счастливое потомство не только в этой жизни, но и в последующей. Эта непоколебимая людская вера буквально витала в воздухе, она казалась почти материальной.

Вскоре мы вошли в какое-то кругообразное сооружение под открытым небом, где были лестницы с разных сторон. Одна из них вела вниз и почему-то все устремлялись туда. Я остановилась и стала наблюдать за остальными. По этой лестнице в основном спускались женщины, но были среди них и мужчины, однако их было немного. Оказалось, она вела к источнику, который находился в глубине сооружения. Люди входили в него, просили о сокро-

венном, совершали омовение, снимали с себя одежду и оставляли ее тут же, возле источника. А выйдя из него одевали новую одежду, что символизировало расставание с состоянием бездетности. Затем все направлялись к храму и делали жертвоприношения. Там всем раздавали по горстку риса, заправленный овощами.

Из-за профессионального интереса я бы рискнула со всеми вместе спуститься к источнику, если бы имела при себе комплект новой одежды. За неимением этого, ограничилась лишь наблюдением. Все происходившее я находила интересным для себя.

Надо было видеть лица тех, кто искупался в этом источнике. Люди выходили оттуда такие счастливые и сияющие, что никаких сомнений не было: их желания исполнятся в самое ближайшее время. Одна молодая пара с удовольствием поведала мне свою историю. Поженились они три года назад по сговору родителей, что в Индии считается вполне нормальным явлением. Долгожданного пополнения не наступало. Тогда родственники посоветовали им искупаться в святом источнике. Пара специально приехала с этой целью из далекой деревни. Здесь, кстати, было много людей, приехавших из других штатов страны.

Женщины, которые имели при себе маленьких детей, пришли сюда в надежде еще раз родить, ибо многодетность считается показателем социальной полноценности. Мужчины же, участвующие в действе, знали о своем бесплодии, они не считали

ззорным обнародовать свою проблему. В желании иметь потомство они нисколько не уступали прекрасной половине человечества.

Для восточных людей стать матерью и отцом сродни почти священному акту. На Востоке принято впервые встретив незнакомца, спросить, сколько у него детей, и только потом поинтересоваться всем остальным. Поэтому рождению детей здесь придается особенное значение.

На обратном пути, возвращаясь в отель, вспомнила специализированную клинику на окраине Кембриджа, которую британские власти построили для своих граждан, страдающих бесплодием. Ее пациентами, как мне помнится, были не столько англичане, сколько выходцы из Азии, большинство из которых индусы. Они селились рядом с клиникой, жили во временных авто-треллерах до тех пор, пока не наступала долгожданная беременность. Они проводили здесь месяцы и годы упорного лечения, тратя неимоверно большие средства.

Их соотечественники, не имеющие возможности выехать за границу, приезжают в Варанаси. В этом священном городе все сокровенные желания человека имеют свойство воплощаться в жизнь.

Тибетские мачо в поисках заморских невест

Когда я была в Индии еще в 1999 году, некоторые знакомые задавали мне вопрос, смысл которого дошел до меня только в 2005 году, во время вторичного пребывания в стране. Вопрос звучал нехитро: к тебе кто-нибудь приставал? Я не совсем понимала о каком приставании вообще идет речь. Ведь к человеку можно при-

стать где угодно и как угодно: на рынке, на дискотеке, на улице, в общественном транспорте и т.д. И причин, побуждающих к этому, может быть сколько угодно.

Помню, еще тогда моя соседка Бригита Нельсен из Германии, к тому времени прожившая в стране три года, с некоторым недоумением сетовала, что многие иностранки, приезжающие в Дхарамсалу, пускаются во все тяжкие с местными мачо, большинство из которых обычно бывают тибетцами. «Что в этом особенного?», — негодовала я. «А то, что тибетцы всеми правдами и неправдами хотят использовать этих женщин, чтобы выехать на Запад», — терпеливо объясняла мне Бригита. «А у нас в России этим промышляют женщины, они так ловко охмуряют заезжих особей мужского пола, что те, потеряв всякую бдительность, попадают в расставленные сети», — пыталась продолжить тему я.

Однако надо признать, что в теме этой я разбиралась тогда плохо, да и не особо хотела вникать в нее. Мне казалось, что есть более интересные вещи, достойные внимания. Между тем мне рассказывали о жутких страстях, бушевавших между представителями разных культур. Самым распространенным сюжетом был, обычно, роман, возникший между европейской барышней и местным буддийским монахом, обремененным, как правило, обетом безбрачия. В таких случаях, по меркам местной морали, падение совершают обе стороны. Барышня, соблазнившая монаха, и монах, нарушивший свой обет. Буддисты классифицируют это как накопление отрицательной кармы.

Такие истории обычно начинаются вполне невинно: иностранка, обуреваемая интересом к буддизму и приехавшая в Индию, как ей кажется, в поисках духовного наставника, находит

такового в лице самого рядового монаха. Монах, искренне движимый желанием дать Учение заморской гостье, в процессе общения незаметно для себя скатывается к банальному сексу. Ясно, что после такого грехопадения они уже не Учитель и ученик, а обычные мужчина и женщина. И их отношениям ничто человеческое не чуждо.

Выруливают из такой ситуации все по-разному. Монах может искренне раскаяться в содеянном и добровольно сложить с себя обеты, что вполне допустимо в буддизме. Барышня собирает свои пожитки и сматывается на свой дикий Запад, все равно она в этих краях птица залетная. Но иногда случаются и браки. В таких случаях падший монах облачается в европейское одеяние и

уезжает со своей избранницей на ее историческую родину. Вряд ли в этом случае можно говорить о выгоде и расчете с той или иной стороны. Это обычная страсть, захлестнувшая двух людей, страсть, от которой помутился рассудок. Такое происходит сплошь и рядом.

Совсем другое дело, когда тибетский юноша вполне сознательно и целенаправленно охотится за невестой-иностранкой. Что заставляет его идти на это? Ответ предельно прост: иностранная жена — прекрасное транспортное средство, благодаря которому можно перебраться в другую, более благополучную страну. При этом тибетский мачо никаких особых завышенных требований ни к себе, ни к своей избраннице не предъявляет. Сам он может быть необразованным или малообразованным, диковатым и неотесанным. Единственное его преимущество — это экзотичность,

которая часто проявляется внешне: длинные роскошные волосы, мускулистое смуглое тело, невероятная выносливость, прямой открытый взгляд. Все это способно заморозить самую изысканную западную женщину, которой порядком надоели рафинированные мужчины из ее этнической среды. Человеку свойственно поддаваться тривиальным искушениям.

На удочку тибетских мачо попадают и наши соотечественницы. Еще в 1999 году моя приятельница Ангелина К. познакомилась с парнем по имени Лобсан. Он был намного моложе ее, однако это ни ее, ни его не смущало. Ангелина упоенно рассказывала о своем новоиспеченном друге, который внешне походил на тувинского парня из Монгун-Тайги. Я даже не пыталась понять, что она в нем нашла, поскольку была озабочена проблемами своего отъезда.

Вернувшись в Индию во второй раз, я вновь встретила Ангелину, которая за эти годы не покидала страну. Лобсана уже рядом с ней не было. Как выяснилось, молодой тибетец очень надеялся выехать вместе с Ангелиной в Россию, но она не собиралась возвращаться на родину, предпочитая жить в Индии. Когда Лобсану стало об этом известно, он не стал терять время и быстренько ретировался. Ангелина так и говорит: я не оправдала его ожиданий, он спал и видел себя в России.

Другая история произошла с Людмилой Ф. из Москвы. Она жила в доме Богдогэгэна, когда у нее случился роман с местным тибетцем. Говорят, что Учитель деликатно советовал ей не связываться с этим человеком. Но разве женщина способна услышать, когда ослеплена сансарическими страстями! Переживая их так, как это свойственно славянской душе, Людмила просрочила ин-

дийскую визу. Однажды ее кавалер на почве ревности устроил драку. Находясь в порыве гнева, он поранил ножом россиянина, который пытался успокоить его. Пришлось вызвать полицию, которая арестовала не только дебошира, но и Людмилу за нарушение визового режима. Ее поместили в индийскую тюрьму, где она провела несколько месяцев. Люди, знавшие несостоявшегося Людиноного жениха, уверяли, что она у него была не первая иностранка, за которой он охотился с целью выезда из страны. Видимо, буйный нрав мешал ему доводить задуманное до логического завершения. Он срывался на полпути к достижению «высокой» цели. Его российскую пассию впоследствии депортировали из страны без права повторного въезда.

После этих историй, я наконец-то поняла, что имелось в виду, когда спрашивали, не приставал ли ко мне кто-нибудь. В памяти всплыли два эпизода, которым я до этого не придавала никакого значения. Первый произошел в автобусе, когда я ехала из Дели в Дхарамсалу. Со мной тогда ехала мама. Рядом со мной сидел молодой тибетец, очень крупный, породистый мужчина, который начал неуклюже хватать меня за руку и страстно прижимать ее к своей груди. Мне это жутко не понравилось, я в этом узрела дикую азиатчину. Срочно попросила маму сесть между мной и им, что она и сделала. К маме пристать он не мог по определению. На Востоке традиционно принято уважать старших.

Второй эпизод был связан с поваренком, который работал в храме Оракула Нейчунги, куда я часто навещалась. Его звали Тубтенем, внешне он напоминал пупсика, которым я играла в детстве. Он стал оказывать мне назойливые знаки внимания, которые заставили выстроить дистанцию. Когда пожаловалась на

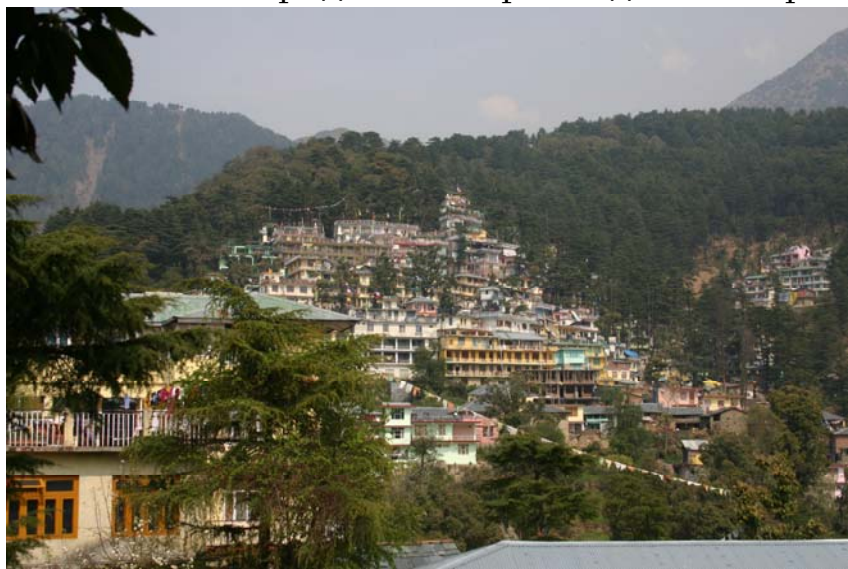
него своей российской подруге Вере, она не мудрствуя лукаво изрекла: это комплекс. «Надеюсь, не мой?», — решила уточнить я. «Конечно, не твой. Здесь тибетцы липнут к иностранкам со страшной силой», — ответила она, вероятно, вспомнив нечто подобное из своей практики. Однако теперь, понимая суть этого явления, я не стала бы называть это «комплексом», а предпочла бы более точное выражение — «расчет».

Оказавшись в храме Оракула во второй приезд, с радостью обнаружила, что того поваренка уже нет. Наверное, его увезла с собой какая-нибудь иностранка. Так я обнаружила свою непригодность в качестве транспортного средства. Это открытие, честно признаюсь, меня приятно обрадовало.

Когда одна американка сообщила, что выходит замуж за тибетца, я спросила ее: что он будет делать в Америке? На мой вопрос она ответила вопросом: а что он будет делать в Индии? Между тем статистика показывает, что подавляющее большинство таких браков распадается. Отношения, построенные на желании использовать другого человека с целью устроить себе более роскошную жизнь, будущего не имеют.

Россияне в Дхарамсале. Кто за чем приезжает?

Дхарамсала — небольшой город на Севере Индии, который стал известен благодаря Его Святейшеству Далай-ламе XIV. Он здесь живет с 1959 г., здесь

же находится тибетское правительство в изгнании. Город расположен в живописной горной местности и считается одним из популярных мест для иностранных туристов.

Когда я приехала в Дхарамсалу в 1999 году, россиян здесь было считанные единицы. Зато европейцы и американцы жили целыми колониями. Этот город также был облюбован израильянами, для которых в каждом ресторане имеется национальное меню. Поэтому когда Дхарамсалу называют индийским Тель-Авивом, в этом есть доля истины.

Помню, я тогда нашла город уютным и совершенно безопасным. Цены на жилье, продукты питания, одежду были вполне приемлемыми, хотя по сравнению с другими городами Дхарамсала считалась дорогим местом. Наличие буддийских храмов и всевозможных центров, где любой желающий мог приобщиться к духовным знаниям и практикам, наполняли город особой энергией, придавая ему неповторимый шарм и невероятную притягательность: сюда хотелось возвращаться снова и снова. Уже тогда я знала совершенно определенно, что непременно вернусь сюда.

И вот я вернулась в Дхарамсалу в 2005 году. Город, с одной стороны, до боли был знакомым, с другой — в нем произошли большие изменения, которые касались не столько внешнего облика, сколько внутренней его жизни. В первую очередь бросилось в глаза, что стоимость жизни за это время возросла почти в два-три раза, хотя доходы у людей остались практически на прежнем уровне. Иностранцев по-прежнему было много. Наряду с английской речью часто слышалась русская, чего раньше не наблюдалось. «Надо же как россияне освоили Дхарамсалу!», — думалось мне в первое время.

Поскольку город небольшой, здесь принято друг о друге знать все: кто, откуда приехал, где живет, что делает и т.д. Когда говоришь, что приехала из России, почему-то все говорят: понятно, вы из Монголии. Это я заметила еще с прошлого раза. Объяснять, что Россия и Монголия не одно и то же, что это разные страны бесполезно, у местных тибетцев познания в географии крайне скудны. Представителей Тувы, Калмыкии и Бурятии они считают монголами. Им кажется, что в России есть место под названием Монголия, где живут народы, традиционно исповедующие тибетскую форму буддизма. Россиян с европейской внешностью они называют «урус», т.е. русские, хотя они могут быть не такими. Нет смысла расширять географические познания местных жителей, лучше соглашаться на тот вариант, который тебе приписали. Для тибетцев я была монголкой, для индусов — японкой.

Каждый россиянин, оказавшийся в Дхарамсале, обычно имеет свою цель. Я приезжаю сюда, чтобы пополнять знания по буддизму, потому что он является объектом моего научного исследования. Я знала Славу Комаровского и Сашу Нариньяни из Москвы, которые серьезно занимались изучением тибетского языка и буддийской философии. Они преуспели настолько, что первый продолжает образование в США, второй — в Институте этнологии и антропологии РАН. Знала я также бурятскую девушку Хорло Батожаргалову, которая закончила Институт тибетской медицины. В настоящее время она успешно занимается медицинской практикой в России. Все они очень цельные личности, умеющие

не только ставить перед собой цели и задачи, но и упорно достигать их. Замечу сразу, хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать таких в Дхарамсале.

Не все россияне столь целеустремленные. Многие живут здесь годами, порою десятилетиями, а спроси, что их так долго удерживает в Дхарамсале, внятного ответа не получишь. Знаю, например, одну очень странную калмычку, осевшую в этом городе еще в начале 1990-х годов. За это время она успела сменить свое имя на тибетское, выучить английский и тибетский языки, что весьма похвально. Живет случайными заработками и наотрез отказывается общаться со своими соотечественниками. А если с ней, не дай Бог, что случится, у кого она будет просить помощи? Впрочем, это не первый случай, когда человек становится здесь неадекватным.

Другая особа по имени Лена также поражает своей странностью. Она сдает в аренду свою квартиру в Москве, а на вырученные деньги живет в Дхарамсале. Время от времени завязывает бурные романы со знойными индусами, которые, как правило, ничем не заканчиваются. Ни постоянной, ни временной работой эта дама не обременена, все дни проводит в чаепитиях и пустой болтовне с соседями и случайными знакомыми. Желания вернуться в Россию она не испытывает.

Не хочет возвращаться в Россию и другая русская женщина по имени Светлана Т. Как только у нее истекает срок индийской визы, она лихорадочно едет в соседний Непал и путем дачи взяток местным чиновникам продлевает ее. И так до бесконечности. Воспоминания о родине у нее самые мрачные: люди там злые и жестокие, все лгут и воруют, пьют и занимаются развратом.

Если Лена живет в Индии благодаря аренде своей квартиры, то Света надеется на иностранцев с толстым кошельком. А они на ее пути, как ни странно, не переводятся. Каждый, выслушав печальную историю ее жизни, которая сочиняется специально для него, считает моральным долгом отстегнуть энную сумму в твердой валюте. Надо признать, что наша российская черта плакаться первому встречному в жилетку, в определенных жизненных ситуациях приносит весьма неплохие дивиденды.

Нашли свое прибежище в Дхарамсале и много молодых людей из Калмыкии, Бурятии и Тувы. Все они приехали под видом учебы, но на самом деле бесцельно слоняются по стране. Этому очень способствует их кочевая ментальность. Поражает их безответственное отношение к собственной жизни и к родным, с которых они исправно тянут деньги на свое проживание. Их возраст вовсе не юношеский, когда возможны поиски самого себя, своего места под солнцем (почему бы не делать это в Индии?) Однако им около или далеко за 30, а они все еще в поиске. Без образования, без стажа работы, без перспективы. Интересно, как они собираются жить в старости? Кто их будет содержать, когда терпение и деньги родственников иссякнут? Вопрос «что собираешься делать дальше?» ставит их в тупик. Похоже, этой проблемой они меньше всего озабочены. Однако они прекрасно знают, что именно в Индии можно так беззаботно прожигать жизнь. В России социум заставит их напрягаться, поэтому зачем туда возвращаться?

У таких людей есть утешительное оправдание: мы приехали сюда за знаниями. Но о каких знаниях можно говорить, если они не сидят в учебных аудиториях и не слушают лекции преподава-

телей, если речь идет о светском учебном заведении; если они не состоят в штате какого-то монастыря и не учатся там, если решили посвятить себя монашеству? Да, возможно, они ходят к каким-то учителям, получают от них наставления, но это вовсе не системные знания, а отрывочные. К тому же персональный учитель, каким бы хорошим ни был, не выдаст сертификата или диплома как полагается выпускникам учебных заведений. А без корочки, как известно, путевку не то что в большую, в обычную жизнь не получишь.

Внимательно наблюдая за такими людьми, я пришла к выводу, что тяга к духовности, поиски своего пути иногда могут быть чреватые весьма тяжелыми последствиями. Когда духовным поиском занята нравственно и социально зрелая личность, это только способствует его дальнейшей эволюции; когда же этим заражается примитивное и убогое существо, то это ведет к настоящему социальному уродству.

В Индии без толку слоняющихся иностранцев огромное количество. Индия для них благодатная страна. Поэтому когда ваше чадо вдруг изъявит желание поехать в эту сказочную страну, чтобы якобы получить там непонятно какое образование, не торопитесь собирать чемодан и выворачивать наизнанку свой кошелек. Присмотритесь внимательно к своему ребенку, не потеряет ли он себя окончательно в этой стране. Ведь Индия помогает не только обрести себя, она может и коварно подшутить, склонив человека к безответственно вальяжному образу жизни. А мы, россияне, с нашей патологической ленью, неорганизованностью, внутренней неумностью очень легко впадаем в состояние аморального блаженства. Пребывая годами в таком состоянии, за-

просто можно стать духовной калекой, социальным уродом и вообще непонятно кем.

Фото Виктории Пээмот